

И.А. Овчинина

Подхалюзин Лазарь Елизарыч

Со слов Большова известно, что тот мальчишкой взял его в свой дом «лавки подметать». Будучи «на руку не чист», он потихоньку поворовывал у хозяина, тайно мечтая выбиться в люди и завести свое дело. Постепенно Подхалюзин сумел-таки собрать капиталец. Такую науку приобретения он усвоил, имея перед глазами пример Большова, который сквозь пальцы смотрел на проделки Лазаря (по опыту зная, что честных торговцев не бывает) и наконец сделал его главным приказчиком. Со временем Подхалюзин освоил все тонкости торгового дела и в совершенстве постиг искусство обмана покупателя.

В репликах Большова и самого Подхалюзина виден начинающий купец, выработавший приемы, свойственные, по его мнению, тем, кто торгует с умом, со сноровкой, ибо «как же это можно, чтобы сноровки не знать?». Сноровка же, по их убеждению, состоит в мошенничестве. Показывая хозяину свою добросовестность и радение о деле, Подхалюзин рассказывает, как он обучает продавцов в лавках толково работать. Так, если кому из покупателей понравился товар, то надо повысить цену, накинуть «рубль али два на аршин». И ткань он рекомендует работникам мерять «поестественнее»: «тяни да потягивай, только-только чтоб, Боже сохрани, как не лопнуло».

Подхалюзин старался не зря — он органично вписался в мир «своих людей» и вполне соответствует принятым в нем представлениям об уме и морали. Большов высоко оценил достоинства приказчика, практически доверив ему ведение всех дел. Неоднократно хозяин отзывался о нем как о человеке умном и надежном: «Он малый с понятием, да и капиталец есть».

Почтительностью, лицемерием, притворным смирением и усердием Подхалюзин добивается особого расположения у Большова, чем умеет воспользоваться для своей выгоды. Узнав о намерении хозяина обмануть кредиторов, Подхалюзин тотчас задумал свою аферу. Ловко играя на тщеславии и самоуверенности Большова, он практически подтолкнул его к решению объявиться несостоятельным и своими руками все (капитал и имущество) отдать ему, приказчику. «Уж вы во мне-то не сомневайтесь», — заверяет Лазарь Самсона Силыча. Подхалюзин действует хитро и осторожно — склоняет стряпчего Рисположенского оформить все дело так, чтобы стать фактическим хозяином состояния Большова. Ему хорошо известно, что юридическое преступление может положить конец экономической карьере, поэтому он обдумал все детали своего участия в преступной акции Большова. Со стряпчим заключили устное соглашение («Я вам две тысячи-с за этот же самый предмет-с»), но строго при этом предупредил: «Только, Сысой Псоич, уж хвостом не вертеть туда и сюда, а ходи в аккурате, — попал на эту точку и вертись на этой линии». Подхалюзин не оставляет никаких следов в истории банкротства «благодетеля». Не давал он письменных обещаний и свахе Устинье Наумовне, расстроившей свадьбу Липочки с благородным женихом.

Предусмотрительный Подхалюзин остался чист перед законом юридическим, нарушив законы нравственные. Большов был прав, когда говорил о Лазаре: «Он у меня парень дельный, ему только мигни, он и понимает. А уж сделает-то что, так пальца не подсунешь». Он действительно все обделал «лучшим образом», да еще и надул самого Самсона Силыча. Сомнения в правомерности своих действий Подхалюзин отвергает с самого начала: «Говорят, надо совесть знать! Да, известное дело, надо совесть знать, да в каком это смысле понимать нужно? Против хорошего человека у всякого есть совесть; а коли он сам других обманывает, так какая же тут совесть!»

Подхалюзин искренен тогда, когда с восхищением говорит об Олимпиаде Самсоновне. Но и она ему нужна, чтобы наверняка добиться успеха: во-первых, заполучив ее в жены, он становится полновластным хозяином лавок и денег тестя, а во-вторых, более образованная, чем он сам, Липочка поможет ему самоутвердиться. И он умело внушил Большову, что именно за него нужно отдать Олимпиаду Самсоновну. Липочка для него — «барышня, каких в свете нет», некий идеал образованности и красоты. Она стала для Подхалюзина стимулом для определенного культурного роста, сколь бы комично он ни проявлялся. Кстати, не самодур отец, а Подхалюзин сломил упрямство Липочки, убедив ее в том, что брак с ним сулит ей выгоду. Он сразу, что называется, выкладывает карты, и Липочка узнает, что отец разорен, а Подхалюзин, напротив, богат: «Вы дел-то тятеньких не знаете, а я их очень хорошо знаю: тятенька-то ваш банкрот-с». Подхалюзин сообщает Липочке, что отныне ему принадлежат и дом и лавки. И в завершение разговора показывает документ: «У нас, слава Богу, денег-то побольше, чем у благородного». Склонить Липочку в свою сторону оказывается делом несложным. Достаточно было документально подтвердить слова о богатстве и нарисовать радужную картину будущей семейной жизни и не упустить из виду ни карету, ни лошадей, ни обилие нарядов. «А если вы за меня, Алимпияда Самсоновна, выйдете-с, — так первое слово: вы и дома-то будете в шелковых платьях ходить-с, а в гости али в театр-с, — окромя бархатных и надевать не станем... Лошадей заведем орловских». Обещаны будущей жене материальное благополучие и полная независимость от родителей («Уж мы им командовать не дадим-с»). И Подхалюзин сразу же вырос в глазах Липочки до размеров «учтливового кавалера».

Ни Подхалюзин, ни Липочка не промахнулись, сделав ставку друг на друга. В последнем акте Подхалюзин является владельцем роскошно обставленного дома. Жена его ни в чем не знает отказа. Подхалюзин чувствует, насколько отстали от жизни тесть с тещей. Новая семья строится на иных началах, здесь утверждается иной, более цивилизованный, стиль взаимоотношений: муж уважает и любит жену, говорит ей комплименты. Молодая чета будет ездить на балы в купеческое собрание, в Петровский парк с летним театром, в Сокольники, куда по пятницам на гулянья приезжали богатые люди Москвы. Чтобы соответствовать вкусам жены, Подхалюзин стал уделять внимание своему внешнему виду: сшил новый сюртук и почувствовал себя похожим на француза, намерен выучиться танцевать. Словно музыкой, наслаждается он тем, как Липочка произносит фразу на «французском диалекте-с». В Подхалюзине уже нет самодурства Большова, который в гневе «мнет чепчики» женщинам.

Став хозяином положения, Подхалюзин не скрывает своего презрения к тем, с чьей помощью он совершил прыжок на более высокую социальную и материальную ступень. В финальных сценах он откровенно хамит Рисположенскому и свахе. «Еще рылом не вышли-с в собольих салопах-то ходить», — осаживает он Устинью Наумовну, одаривая ее оскорблениями вместо обещанной награды. «Тоже должны! Словно у него документ! А за что, — за мошенничество!» — выговаривает Подхалюзин Рисположенскому. Он смеется, так как полным успехом завершилась афера, сам он сухим вышел из воды и никакой суд ему не страшен.

Деньги Большова, приобретенные несправедливо, но на «законных основаниях», Подхалюзин считает своими, следовательно, дорожит каждой копейкой; Его мало трогает вид униженного тестя, буквально умоляющего зятя заплатить кредиторам столько, сколько они требуют: «Я, тятенька, не могу-с! Видит Бог, не могу-с! ... Я вот торговлей завожусь, домишко отделал... Об детях подумать надо... Вы, тятенька, извольте рассудить: нынче без капитала нельзя-е, без капитала-то не много наторгуешь».

С переменой положения Подхалюзина происходит изменение в его языке. Теперь он копирует в разговоре с людьми интонацию Большова, не уступает ему в грубости. «Я вас и знать-то не хочу», — бросает он в адрес Устиньи Наумовны. С Тишкой он стал разговаривать командным тоном («Тишка! Трубку!»), над свахой и Рисположенским издевается

(«Не жирно ли будет, неравно облопааетесь»; «Ты полно пужать-то: не страшно»). В разговорах с Аграфеной Кондратьевной ощущается еще былая вежливость, правда, с оттенком некоторой небрежности, а перед Большовым Подхалюзин испытывает пока робость и не смеет решительно отказать ему в деньгах и потому пускается в объяснения, на что эти деньги нужны. Вместе с тем ему еще трудно избавиться от привычки «петь Лазаря», говорить вкрадчиво, постоянно употреблять «словоер-сы».

Чувствуется, что Подхалюзин отчасти даже жаль раздавленного несчастьем тестя, и он намерен кредиторам накинуть еще по пяти копеек, а затем и вовсе собирается, одевшись победнее, в «старый сюртук, которого хуже нет», ехать к ним и просить об уступке. Вряд ли Подхалюзин совсем оставит Большова без поддержки. «Бог милостив, как-нибудь отделаемся! Не вдруг-с», – успокаивает он Аграфену Кондратьевну. Но из-за каждой копейки он будет серьезно торговаться.

А ведь когда затевалась инсценировка банкротства, Подхалюзин, не скупясь на слова, заверял хозяина: «Я теперича готов всю душу отдать за вас, а не то, чтобы какой фальшь сделать», — хотя уже тогда задумал обман. Сам себя Подхалюзин успокаивает «смягчающими обстоятельствами»: «Самсон Силыч купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так для препровождения времени затеял. А я человек бедный! Если и попользуюсь в этом деле чем-нибудь лишним — так и греха нет никакого: потому он сам несправедливо поступает, против закона идет. А мне что его жалеть. Вышла линия, ну и не плошай: он свою политику ведет, а ты свою статью гони».

«Свою статью» Подхалюзин гнал тонко, толково и точно и сумел ослепить такую продувную бестию, как Большов, который клюнул на его лицемерные и обнадеживающие обещания в ответ на просьбу не оставить его с женой и заплатить кредиторам: «Стоит ли, тятенька, об этом говорить-с. Нешто я не чувствую? Свои люди — сочтемся».

Все дальнейшие действия Подхалюзина показали, как быстро и прочно он утвердился в мире коммерции. При этом он олицетворяет и новый тип купца, действия которого опираются на формальное уважение закона, на понимание юридической силы документа и при этом — на полную свободу от нравственных принципов, от устных обещаний и не подтвержденных на бумаге сделок.

В мире «своих людей» происходят заметные изменения. Формируется новое поколение, аморальное, бесчеловечное, наглое, но одновременно тянущееся к цивилизации и культуре. В лавках Подхалюзина, конечно же, будут обманывать покупателей, но не так грубо, как у Большова, а тонко, более незаметно, так сказать, поделикатнее, и сама торговля будет принимать более цивилизованную форму: «А вот мы магазинчик открываем: милости просим! Малого робенка пришлете — в луковице не обочтем», – заверяет Подхалюзин.